

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕОБЫЧНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ПРИРОДЕ

д.г.-м.н. Дмитриев А.Н., Новосибирск

По мере расширения и роста интенсивности научных исследований, технических экспериментов, промышленных мощностей, а также увеличения информационных потоков в сфере человеческих взаимодействий актуализируется необходимость учета и изучения необычных явлений. Кроме того, такая необходимость возрастает и по мере резкого увеличения климатического глобального изменения в целом (Глобальные..., 1996). Совокупность данных последних десятилетий делает весьма правдоподобным участвовавшие высказывания о расширении географии, разнообразия и воздействий необычных явлений (Абрамов, 1998 а); Авакян, 1999; Дмитриев, 1998).

Естественно, что необычные явления во второй половине XX-го века нашли свое первичное отображение в потоке журналистских трактовок (Валле, Казанцев, 1961; Зигель, 1967; Encyclopedia..., 1980; Шахнович, 1970). В этом потоке сведений вымысел, соседствуя с серьезными описаниями фактов, обесценивает проблемы и эффективно работает на рост отрицательного престижа целого ряда вполне научных подходов (Гиндилис и др., 1979; Зигель, 1978; Rersinger, Lafreniere, 1977). Выявленные «особые точки на планете» изучались не целостно и эпизодически, поэтому с позиции подачи материалов журналистами они стали узловыми по производству не только информации, но и дезинформации о необычных явлениях.

Эта обстановка усложнена также и тем, что ученые, как это ни странно, оказались в информационных условиях, при которых «научное мнение» формируется и высказывается не на основе исследования явлений, а на основе «убедительного или неубедительного» изложения фактов, возникающего вне научной среды (Дмитриев, 1998; Платов, 1986). Хорошей иллюстрацией этого положения является «Бермудский треугольник» зашумленный массой сомнительных сообщений. На ложную вереницу подобных сообщений обосновано обрушивается критический пафос ученых (Мензел, 1962; Платов, Соколов, 2000; Шахнович, 1970). Создается впечатление, что искусственное нагромождение псевдофактов и объяснений является методом борьбы против научного подхода к решению данной проблемы (Валле, 1995; Зигель, 1993). Следует подчеркнуть, что упомянутая книга Мензела явилась заказом со стороны военной администрации США, о чем имеются публикации (Шуринов, 1990).

Далее следует учесть и участвовавший факт появления ряда серьезных научных работ, в которых с тех или иных научных позиций исследуются разрозненные (в простран-

стве и времени) необычные явления, возникающие в среде человеческого окружения (Авакян, Коваленко, 1992; Абрамов, 1998 б); Дмитриев, Дятлов, Гвоздарев, 2005; Лунев, 1992; Непериодические..., 1990).

Для примера можно более внимательно рассмотреть работу Персингера и Лафренье-ра (1977) и по возможности выявить концептуальную позицию авторов в работе с фактическим материалом по 6060 необычным явлениям: падениям, электромагнитного типа, акустическим, НЛЮ, астрономического характера, метеорологическим, геофизическим и др.

1. Содержательные сведения о явлениях

Изучению подвергаются необычные явления, которые представляют собой эпизоды внешней среды с особой энергоемкостью феноменологией и частотой встречаемости. По существу своему совокупность таких эпизодов представляет собой как бы пограничный барьер между обычной фоновой повседневностью явлений и редко наблюдающимися «почти невероятными событиями». На кривых вероятности появления тех или иных событий необычные явления образуют всего лишь хвосты кривых стандартного распределения. Они представляют собой все еще не изученные «проводники» в неизвестное и всего лишь некоторыми своими сторонами соприкасаются с областями принятых парадигм и концепций современной науки, возникших на базе изучения статистических максимумов обычных явлений.

В чем же характеристические особенности необычных явлений? В чем существо их природы и возможно ли строить позитивные подходы к их исследованию? Именно в этом направлении предлагается стимулировать возникновение этих вопросов, ставящих проблему необычных явлений в ранг научных проблем. В таком подходе скрыто постулируются утверждения о том, что не все физические законы окружающего нас мира известны ученым и, что существует строгая система социального отбора научных результатов в познавательном процессе людей

Однако трудность исследования этих явлений состоит не только в их неуловимости, редкости и скоротечности, но и в том, что почти всегда они возникают внезапно, без проявления легко регистрируемых предшествующих признаков надвигающегося проявления «сюда» необычного явления. Неясность редких сочетаний условий, способствующих возникновению и развитию необычных явлений, делает весьма проблематичной и саму процедуру предсказания. Подчеркнем, что в существующем социуме лишь уровень предсказательности явления обозначает его научную постижимость и практическое достоинство. Кроме скоротечности, необычные явления характеризуются высокой интенсивностью и

узкой локализацией своего разворачивания в наблюдаемом диапазоне (оптический, акустический, тактильный и пр.), Кроме того, разветвленная и разнообразная сеть инструментальных научных наблюдений за разнообразными явлениями окружающей природы специализирована в соответствии с существующими научными концепциями и нацелена на обычные часто встречающиеся события. Спектр редко и быстропротекающих явлений не охватывается научной регистрацией, следовательно, и каждое конкретное необычное явление постоянно как бы ускользает от официальных средств обнаружения (Валле, 1995; Дмитриев, 1998)). Здесь же возникает опасная своим гипнотизмом псевдоконцепция – «если редко встречается, значит не влияет», но и камень на голову может свалиться все лишь один раз, но с побеждающей убедительностью. Существуют сильные, но менее очевидные и другие причины, например, активная незаинтересованность в исследовании необычных явлений, вызванных социальным характером исследовательских программ. Поэтому единственным «регистрирующим прибором» необычных явлений в настоящий момент в основном остается сам человек. Серия регистраций этого вида имеет длительную и сложную историю, а результатом регистраций являются десятки и даже сотни тысяч различных сообщений о том, что «видели», «слышали», «рассказывали» и т.п. Приведем краткий перечень примеров необычных явлений из монографии Персингера и Лафреньера (1977).

1. 17 сентября 1901 г. (Шотландия) – лентообразные вспышки на небе перед землетрясением; 7 декабря 1965 г. (Аризона) – пылающие пятна на почве после дождя; Нью-Йорк, 1946 г. – подпрыгивающее свечение воздуха; Март 1962 г. (Зап. Вирджиния) – пойманная рождественская передача (радио) за прошедший год; гудящие звуки во время известного землетрясения на Аляске 27 марта 1964 г. в штате Техас; январь 1921 г. – черные объекты пересекали солнечный диск; ? декабря 1900 г. – серия световых вспышек на Марсе; 8 февраля 1969 г. (Мексика) – столкновение метеорита Алена и шаровой молнии, необычные свечения и гулы.

2. 29 мая 1951 г. (Канзас) – «великий градопад»; 6 марта 1957 г. (Коннектикут) – торнадо в условиях ясного неба; 11 апреля 1965 г. – светлое зарево и разряд молний в торнадо; 10 января 1938 г. (Южная Дакота) – за 15 мин температура упала на сорок семь градусов; 22 января 1943 г. (Южная Дакота) – за две минуты температура поднялась на 45°, позже за 27 мин снизилась на 54°; 3 февраля 1969 г. (Флорида) – «дребезжащие звуки» из единственного образа; 2 декабря 1904 г. (Теннеси) – внезапная темнота на 15 мин; гравитационные аномалии 100 футов в диаметре – двигались камни, таинственные силы сталкивали автомобили; при касании Земли, она прорывалась пламенем.

Приведенный список явлений, как следует из их содержания, характеризует довольно широкий круг необычностей. Этот круг захватывает сферу большого, вернее общепланетарного масштаба и даже солнечной системы в целом. Очевидно и то, что приведенные примеры не имеют общей модели, объясняющей природу этих явлений. Более того, объяснение даже отдельного феномена, например, метеорологического или геофизического свойства, уже сильно затруднено и не идет дальше правдоподобных гипотез. В этом отношении еще более конкретно и вызывающе обосновано высказаны претензии Чарльза Форта (1997) к «титулованной науке», которая исключила из своих исследований огромную процессию фактов («101 забытое чудо»).

Человеческая популяция живет и развивается не только в энергетических и вещественных потоках, но и, что самое главное в смысле данной проблемы, в специально создаваемых информационных потоках (Казначеев и др., 2007). Эти информационные потоки – основная питательная среда для чувств и мыслей человека. Именно информация, преобразуясь и укладываясь в создаваемые доступные «среднему человеку» понятийные структуры, делает внутренний и внешний мир данного человека осмысленным и адаптивно непротиворечивым к биологическим, социальным и общеприродным свойствам по сути всего человечества.

2. Концептуальная обстановка.

Восприятие человеком трехмерного пространства и происходящих в нем событий составляет основу внешней жизненной навигации людей. Кроме того, процесс осмысливания фактов в нашем сознании производится с помощью непрерывного процесса воспоминания (в том числе и коллективного). Сопоставление внешнего (факты среды) и внутреннего (память) потоков информации (например – распознавание букв при чтении) дает возможность человеку испытать и закреплять ощущение «времени». Этот вывод подтверждается серией психологических экспериментов в сурдокамере, которыми регистрируется индивидуальное исчезновение ощущения времени, в связи с отсутствием внешнего «информационного потока», при котором память пассивизируется. Здесь следует отметить роль религиозных и йогических практик, неизбежным требованием которых является строгая и целевая модуляция внешних потоков информации (затворничество, монастыри, пещеры и др.). Резкое уменьшение сигналов извне вызывает энергоконцентрацию психических процессов во внутреннем полупространстве так детерминированного человека. Перемещение (вернее убирание) точки сборки сознания человека выводит его в новую (по предположению «высокодуховную») среду обитания, в которой и реализуется цель экспе-

риментатора. Естественно, что предельный разрыв с восприятием сигналов (информации) из внешнего полупространства человека означает его смерть.

В связи с тем, что в подавляющем числе случаев именно часто встречающиеся события во внешнем мире непрерывно воздействуют на наше восприятие «своей реальностью», а также, благодаря целевым эволюционным принципам обуславливания в человеке и человечестве, формируется определенная индивидуальная и коллективная структура восприятия. В последующем эта структура, зачастую контролируемая властными системами, стабилизируется, становится фильтром и сортирует внешние события на «реальные» и «нереальные». И это неизбежно и всегда в пользу «больших чисел». Именно поэтому упавший на льду человек – «реальность», а мгновенно исчезнувший из поля зрения – «нереальность». Характерно также, что технический прогресс стал возможен только потому, что элементарные акты технического генезиса превзошли формирующее множество природных впечатлений и фактов от естественной среды.

Поэтому часто встречающееся в жизни и деятельности человеческой популяции техническое событие стало реальным и убедительным в качестве основного потока внешней информации. Кроме того, доминантное экономическое обуславливание жизни сформировало в человеке «техногенную структуру восприятия», для которой естественное событие становится либо каким-то нереальным, либо предметом коллективной атаки для достижения прагматических целей управляющей структуры человечества.

Хорошо организованные и внедренные коллективные структуры и модели человеческого восприятия, а также общественно обусловленные системы интерпретации ложатся **в основу общего** миропонимания, подразделенного на научные, религиозные, политические и другие мировоззрения. За время человеческой истории не раз лидировали те или иные модели целевых базирующих восприятий, которые «замечали» или «не замечали» целые классы природных явлений. В соответствии с этими моделями господствовало то или иное мировоззрение. Уместно считать, что настоящий момент находится под влиянием реальных и кажущихся перспектив научного мировоззрения, т.е. специально организованная «Наука» – социально властна. Вполне очевидно, что и эта перспектива из-за пляски ценностных критериев весьма непостоянна и противоречива во времени. Но нам важно оттенить и осознать функциональное значение этих моделей во взаимодействии с рядами необычных явлений, ибо именно они **контролируют формирование и характер** массово наблюдаемых и анализируемых фактов. Именно эти модели представляют собой основополагающие механизмы для воспитания современных способов восприятия популяции, от которых зависит будущее людей в преобразующей среде обитания. В зависимости от широты, глубины и эгоцентричности поощряемого восприятия, строится уровень жиз-

ни, темп жизни и миропонимания. Во время господства той или иной модели мира в обращении у человечества пребывают те или иные «модные» события и состояния Природы, которым, согласно модели, и придается решающее значение (Казначеев и др., 2007, Персингер, 1977). Естественно, что редко встречающиеся события, лежат за пределами полезных параметров экономической машины и являются «лишними» или «вредными» для функционирования данной модели, и, согласно господствующим воззрениям, тайно или явно отбрасываются как «несущественные».

Допустим, что господствующая модель становится «узкой», из-за возрастания числа естественных необычных и не интерпретируемых событий. В таком случае возникает острая проблема неосведомленности и это неизбежно приведет к неконтролируемому преобразованию восприятия и введению в сферу общечеловеческого внимания новых фактов. Эти новые факты могут, в свою очередь, лечь в основу либо новой, либо существенно расширенной модели мировосприятия и миропонимания. Но в этом случае расширенной модели снова могут оказаться события, не вошедшие в новый вариант модели, и снова необычные явления механизмом социального контроля будут отбрасываться «как несущественные». Так непрерывно во времени и пространстве один диапазон человеческого восприятия сменяет другой диапазон целеориентированного восприятия, а модель сменяет модель.

Но именно сознательно-управленческое сужение числа наблюдаемых явлений процедурой «номенклатурной регистрации» до требования устойчивости данной модели делает возможной популяционную целеориентированную навигацию и спасает людей от опасной атаки бесконечного и энергоемкого разнообразия явлений не познанной (по тем или иным причинам) внешней среды. Ведь внутренняя закономерность и природа ряда необычных явлений может **превосходить** возможности современного человеческого познания в режиме жизненных возможностей и нужд Жизни текущего момента. Именно поэтому задача восприятия сводится к решению трудной проблемы о том, чтобы выявить, какие из необычных явлений и какую совокупность часто встречающихся событий следует ввести в сферу актуального информационного обращения, чтобы вовремя и эффективно адаптировать существующую модель мировосприятия и миропонимания. Причем, это преобразование модели по существу двуедино, и оно должно характеризоваться строгим отбором «вполне пригодных» концепций из прошлого и «уже приемлемых» из заготовок новых концепций, надвигающихся из будущего. Следует также иметь в виду, что эволюционные программы жизненных процессов в Солнечной системе (по предположению) могут решаться только в условиях комплексации общепланетных потенциалов Жизни. И нет

логических запретов на высказывание о том, что жизнепроявление на Земле нуждается в Солнечносистемной помощи.

Особенность текущего момента такова, что количество сообщений и появление измерительных данных о необычных явлениях создают обстановку, совершенно неприемлемую для господствующей системы концепций мировоззрения. А её (системы) продолжающееся господство основывается на силовых приемах. Ведь необычные явления, представляющие собой новые феномены в окружающей интенсивно модифицирующейся развивающейся среде, и есть тот растущий резерв новой информации, который ожидает своего момента введения в информационный питающий поток популяции – как основы новой модели миропонимания. Но эта новая перспектива совершенно неизбежно потребует реорганизации всей системы наших основных представлений, нацеленных на будущее, но базирующихся на старых структурах коллективного восприятия, особенно на традиционных («исторически оправданных») системах религиозных интерпретаций.

Человек, как обусловленный «познающий прибор», вырабатывает свои мировоззренческие модели под влиянием социальных, биологических и природных обстановок. Концептуальность в социально отлаженных схемах информопотоков строго руководит ментальным режимом и поведением человека, а также постоянно ревизует пригодность восприятия для своего воспроизводства. Только ребенок в первые годы своей жизни **концептуально свободен**, и его восприятия некорректно по отношению к нашим представлениям, но именно это детское восприятие не отбрасывает необычность «как нечто несущественное». В этом отношении высказывание И.Христа в парадигме «Спасителя» о том, что «..будьте как дети», имеет глубочайший смысл.

Рассмотрим обусловленность восприятия времени человеком, как вопрос временного интервала, или ячейки времени по Бриллюэну (1960). Прежде всего, отметим малую разрешимость нашего человеческого восприятия времени. Так, если два события происходят в интервале менее, чем 10 миллисекунд, то эти события воспринимаются как одно; Если же события происходят, например, с недельным интервалом, то они могут восприниматься как отдельные несвязанные (Дмитриев и др., 2005; Валле, 1995; Персингер, 1977).

Таким образом, чтобы наблюдаемые события регистрировались в причинно связанных соотношениях и динамических режимах, они должны попасть в узкий диапазон нашего восприятия времени, основанного на анализе информации по множеству прецедентов. Еще более узким местом в человеческом восприятии является факт дистанционного взаимодействия, поскольку для людей взаимодействие двух объектов должно быть, во-первых, очевидным, а во-вторых – однозначным в отображении на наш прошлый опыт. Поэтому обнаружить связь между «падающими камнями», или «взлетающими камнями»

и крупным землетрясением некоторое время спустя нам будет мешать концептуальная тенденция, т.е. осуществится автоматическое отбрасывание сообщения о «падающих камнях», на основе отсутствия прецедента (Черняев, 1999). Наша способность и привычка использовать особенности пространства в отношении развертывания в них событий обоснована концепцией близости на местности. Поэтому, если события происходят в аспекте функциональных связей, а не их сближенности в плоскости нашего локализирующего восприятия, то пространственная взаимосвязь будет или просто не замечена, или концептуально «отредактирована». Например, эпидемии разбивающихся окон в далеко отстоящих местах – для нас события не связанные, из-за отсутствия тренировки восприятия данного эпизода.

В соответствии же с предположением о **функциональной взаимосвязи** отдаленных участков Земли, а также и их переплетении во времени, то необычные события могут и должны быть увязаны совокупностью не редактируемого фактологического материала. Эти районы развития далеко отстоящих событий будут перегружены необычными (по природе и интенсивности) явлениями и, по мере общепланетной информационной съемки необычных событий, они должны отчетливо вырисовываться. И действительно, вслед за уровнем плотного множества обыденных явлений должен существовать, как на это указывают необычные явления, следующий уровень реальных фактов. Эти факты находятся как бы в другой плоскости и они, при соответствующем «пространственно-временном преобразовании», прорываются в плоскость нашего мира – понятных и закономерных явлений обыденности. Однако, без общего анализа и без предположения об **организационной сущности планеты** большое количество явлений необычного свойства останутся вне пределов исследовательского внимания, поскольку нет концептуальной связи нашего понимания с необычными факторами. Например, объект: «...огромный, до пяти метров в диаметре, круг продолжал расти. В памяти осталась такая деталь: шар был светло-красный, а сердцевина – величиной с футбольный мяч, темнее». Этот объект охарактеризован как «шаровая молния» (Правда, 8 ноября 1981 г.).

Характерно, что **различным** уровням нашего научного мышления и восприятия соответствуют **специфические уровни** фактов, питающих наши рассуждения на данном этапе научной активности в среде окружения. Эта «**концептуальная квантованность**» приводит ученых к производству и закреплению единиц мировоззрения, из которых на уровне обобщения создаются те или иные «фундаментальные картины мира».

Построения же следующего нового уровня, приближающего нас к различным тонким явлениям в природе, становится информационно результативным только в том случае, если на этом уровне возникают **условия** для регистрации и изучения набора необыч-

ных явлений (Дмитриев, 1998; Дмитриев и др., 2005). На наш взгляд, новой концептуальной моделью, в которой может осуществиться процесс целевой переориентации исследования планеты, является модель **организменной целостности Земли** (Арманд и др., 1999). Для своего развития эта модель неизбежно потребует учета новой фактологии и новых постановок задач, поскольку возникает новый набор целей, ориентирующих новые исследовательские усилия. Именно эта модель поставит внутренние (не экономические) цели познавательных процессов перед нарождающейся отраслью знания в первую очередь. Причем новые концепции, задачи и цели в свою очередь потребуют от исследователей новых средств и методов работы. Так, например, концепция потоков воздушных масс возникла и развилась из анализа данных тысяч метеостанций. Следовательно, новые концепции, как для своего развития, так и для возникновения требуют особой информационной среды. В этой среде неизбежно и быстро должны возникать (при налаженном восприятии), как **системы регистрации новых фактов** состояния планеты, так и **отдельных феноменов на ней**.

3. Концептуальные перспективы.

В период становления новой информационной обстановки на Земле особой точкой становления является выбор модели анализа совокупности новых фактов. При этом выборе следует обращать внимание на упорядочение и виды взаимодействия (или взаимосвязей) в совокупности зарегистрированных новых фактов. Пространственно-временная синергия необычных явлений не обязательно должна лежать на поверхности, она может быть погружена в сложную последовательность событий, разгадка которых может наступить только на уровне высокой достоверной информационной обеспеченности. Именно поэтому этап учета и регистрации новых «незакономерных» фактов является основополагающим для создания перспектив и реализации нового концептуального климата.

Кроме того, единичный индивидуальный факт какого-либо события может не иметь постоянного количества и качества поощряющих факторов. Чтобы избежать путаницы, в связи с размножением какого-либо отдельного факта, следует осуществлять стратегию массивной регистрации **всех явлений**, не укладывающихся в концептуальные и мировоззренческие нормы. Общая схема, построенная на множестве проявлений необычных событий, может оказаться уместной для создания первичных рабочих предположений. Такие предположения могут способствовать организации нового уровня приближения человеческой психологии к природе новых явлений в последовательном процессе познания окружающего нас мира. Тем не менее, работа с фактами и их осознание нестандартного

качества нуждается в особой осведомленности и внимательности. И, как о такой работе отзывается Ч.Форт (1997, с.216):

«Одним из самых необычайных явлений, или, якобы явлений в области психических исследований, или якобы исследований, потому что в квазисуществовании никогда не было реального исследования, а только приближение к исследованию, которое постепенно переходит в предубеждение и удобство». (Подчеркнуто А.Д.).

Касаясь более конкретных вопросов создания и применения методов, можно руководствоваться самыми общими положениями:

1. Следует строго осознавать целевую обусловленность и ограниченные особенности существующих и создаваемых моделей предугадывать функциональные роли новых моделей..
2. Во избежание избыточной «новизны», наблюдение и распознавание новых фактов должны иметь хорошую диагностическую опору в уже имеющемся знании и в существующей структуре концепций и восприятий, которые обуславливают восприятие, информационную съемку, регистрацию и принятие данных по новым фактам.
3. С другой стороны следует иметь в виду, что наложение готовой структуры восприятия и анализа данных на новый массив данных неизбежно **по-своему** структурируют новые явления и могут остановить объективный исследовательский процесс, что зачастую и происходит по причине несогласия со стороны активности реликтов старых моделей.

На первых этапах работы с информацией следует иметь в виду, что в случае массового первоначального «измерения» необычных явлений, когда измерительным «прибором» выступает сам человек, что некоторые необычные явления демонстрируют лишь **человеческую способность** воспринимать нечто, как необычное. Кроме того, нередко материалы о необычных явлениях подвергаются «информационному загрязнению» при их регистрации со стороны наблюдателя. Например, личное отношение данного наблюдателя к факту: страх, воображение, мечтательность, удивление и пр. Далее уместно такое предположение: что, если рассматривается случай, когда человек является единственным измерителем необычных явлений, то мобилизованная по всей поверхности Земли информация должна **строго подчиниться показателю плотности населения**. Предполагая также, что преимущественных координат на планете для возникновения необычных событий нет, мы получим прямую зависимость числа событий от числа наблюдателей. Наблюдение зависимости большого числа событий от плотности населения указывает на наличие и функционирование других существенных переменных помимо населения. В многочисленных наших полевых исследованиях и анализе доступных нам наблюдательных архивов по тер-

ритории Сибири было выдвинуто и подтверждено положение о том, что существует место и время для проявления необычных явлений. Этот факт в дальнейшем лег в основу картирования встречаемости этих явлений на территории исследований и позволил обнаружить периодизацию их во времени. (Плазмообразование..., 1992; Дмитриев, 1998; Дмитриев, Дятлов, Гвоздарев, 2005).

Трудно регистрируемые и непредсказуемые проявления редких необычных событий, несмотря на их малый вес в сравнении с потоком ординарных явлений с высокой частотой встречаемости, всегда и всюду **оказывают** психологическое воздействие «на прибор», т.е. на наблюдающего человека. Этот факт, несмотря на его очевидность, мало учитывается и применяется в серьезных изучениях. Причем, процесс психологического воздействия в первую очередь возмущает и как-то **корректирует** эмоциональную сферу человека – это необычайной силы ураган, торнадо, ливни, град, пылевые бури, температурные скачки, световые явления, светящиеся формы, акустические эффекты (грохот, шумы, скрежеты и т.п.). Данные воздействия в первую очередь атакуют блоки восприятия, будоражат инстинктивные механизмы и ревизуют концепцию «Я». В особо острых случаях эта ревизия себя дорастает до самоидентификации. Следует подчеркнуть, что даже весьма небольшие возмущения в окружающей среде зачастую расшатывают привычные нормы восприятия, деформируют эмоциональный стереотип и выбивают привычные опоры для практики и развития самонадеянной беспечности человека в среде обычных событий.

Снова подчеркнем важную особенность свойств технического прогресса, внесшего громадные возмущения в окружающую естественную природную среду. Нарастающая интенсивность технических процессов, адресуемых восприятию людей, доросла до техногенных массовых впечатлений и сформировала ставшие привычными нормы эмоционального восприятия. Техногенная сумма воздействий адресуется именно эмоциональным стереотипам популяции и приводит этот стереотип в состояние крайнего разбаланса тем, что изолирует от потоков впечатлений естественного происхождения, которые обеспечивают приток жизненных энергий в организм человека.

Отбрасывание редко встречающихся аномальных явлений наилучшим образом иллюстрируется вековой работой метеослужбы. Несмотря на решающее значение грозных явлений экстремального характера, до самых последних лет метеослужба и ее научный контингент не ставили перед собой задачу исследования и прогнозирования аномальных явлений, как особо важной проблемы. Более того, принятая ими концепция предсказания «любой» погоды на непрерывной шкале времени и по настоящий момент вуалирует проблему исследования аномалий кратковременного характера (да и не только кратковременного). Более того, в учебниках по климатологии (Климатология, 1989) для Универси-

тетов совершенно не упоминаются, как предмет исследования, грозовые процессы, сопровождающие все энергоемкие процессы в приземной атмосфере. Однако, учитывая современный критерий ценности деятельности человечества – экономику, можно говорить о громадном масштабе нарастания экономических затрат «по ликвидации» последствий стихийных скоротечных процессов. Ссылка на то, что «так всегда было», лишь подтверждает положение о том, что «невнимательность» к этой категории процессов со стороны исследователей, во-первых, является хронической, а во-вторых, концептуально увязанной по своему происхождению. С нашей точки зрения предсказание именно аномальных разрушительных (материально или психологически) явлений должно характеризовать службу реального прогноза и организации познавательного процесса в условиях общей катастрофичности.

Только в последний момент, в связи с учащением общепланетарных аномалий и расширения их географии, возникают научные и государственные службы слежения за признаками, предшествующими аномалиями. Но концептуальная новизна этих задач прогноза попадает в условия старых концепций, средств и методов исследования. Старые методы, интерпретирующие новые феномены, малоэффективны и дают результаты не более, чем обычный конфуз, к которому у людей уже вырабатывается привычка. Примером работы этой системы прогноза является все тот же ежедневный и краткосрочный прогноз погоды. Кроме того, снижение предсказательности является прямым и **однозначным указанием** на возрастание потенциала неопределенности (энтропии) в системе, для которой производится предсказание (Бриллюэн, 1960; Гумилев, 1993; Казначеев и др., 2007). Следовательно, более важным в популяционном отношении является не вопрос улучшения предсказания (что концептуально более привычно), а вопрос обнаружения причин возрастания энтропии в биосфере.

Нельзя не указать и на чисто познавательные причины, стимулирующие необходимость серьезных исследований скоротечных аномальных явлений. Ведь наблюдения за исключениями дают понимание принципов. Наконец, не следует сбрасывать со счетов и исторического значения необычных явлений. Хроника изобилует примерами вмешательства необычных и скоротечных процессов в канву исторических событий (метеорит убивает лидера повстанцев; внезапный шторм парализует военную акцию эскадры и пр.). Какое влияние этой категории событий в целом на историю человечества в прошлом, будущем, настоящем? Способны ли эти события соперничать с мощностью современных систем человеческого жизнеобеспечения? Вереница этих вопросов становится не только длиннее, но и, что более важно, напряженнее.

4. Социальность концептуальных схем

Действительно, необычные события стучатся в науку давно и очень интенсивно (Шуринов, 1990; Форт, 1997; Санаров, 1979). Но что же мешает науке давно заняться разрешением этих реально существующих загадок? Видимо, одной из помех является то, что научное поведение по существу – разновидность социального поведения. Привычные способы обнаруживать и понимать объекты научного исследования в рамках только устоявшихся концепций, делает научное поведение подведомственно групповым. Групповая психология ученых составляет специальный климат научной среды и поэтому единичное наблюдение одного наблюдателя легко нейтрализуется коллективной тенденцией и пониманием, что «этого быть не могло», «это выдумка» и т.д. Даже групповое (не единичное) наблюдение феномена не влияет на социальное поведение ученых, основанное на восприятии и трактовках **часто встречающихся событий**. Кроме того, многие виды необычностей по существу представляют собой на существующем концептуальном уровне **неразрешимую проблему**. Чаще же устоявшееся общее мнение вычеркивает феномен простым принятием решения: «заниматься этим не имеет смысла». Причем под «смыслом» чаще всего, согласно устоявшимся социальным доминантам, понимается то, в чем усматривается выгода (экономическая, религиозная, политическая и др.) при овладении данным явлением или знанием. Да и кому придет решение заниматься проблемой, порождающей, во-первых, беспокойство, а во-вторых, имеющей как правило, отрицательный и религиозный («проделки бесов») научный престиж. Если же по каким-либо мотивам (например, по вопросам безопасности) проблема все же подвергается рассмотрению, то чаще всего оказывается, что проблема неразрешима и эта ее неразрешимость порождает в людях стереотипные отрицательные реакции. В данном случае необъяснимое явление все же отбрасывается, либо его «имеют в виду», т.е. принимают без всяких вопросов как незначительную элементарную данность. Это не исключает возможность строгого засекречивания результатов изучения необычных явлений (Ажажа, 2004; Дмитриев, 1998; Зигель, 1967, 1993).

И все же новую феноменологию **не избежать**, как по причине ее объективного существования, так и по причине того, что малейшее разрешение природы этих загадок даст колоссальный толчок в приращении человеческого знания. Вполне вероятно и расширение углубленного изучения феноменов возможностей настоящего, нацеленного в будущее (например: эффект лозы, парапсихология, новые по природе средства транспорта и источники энергии, новые планетарные процессы, и пр.). Далее следует отчетливо понять и принять тот факт, что «маловероятные» и необъяснимые события, как правило, одновременно выступают в качестве сильно влияющих психофизиологических воздействий на наблюдателя. Именно поэтому социальная научная организация позитивного климата в

сфере мобилизации и изучения свидетельств о необычных явлениях может быть отправной ступенью в постижении новых областей окружающего нас Мира.

Характерной чертой регистрации распространенности необычных событий является, как это более доказательно показали Персингер и Лафреньер (1977), то, что общая карта распространения согласуется с основными урбаническими зонами, центрами населения Соединенных Штатов. Это вполне естественно, хотя бы по той основной причине, что число необычных кратковременных явлений отражает число «наблюдательных приборов» (людей) в данной местности. Кроме того, как следует из многолетних исследований на территории Сибирского региона и других районов, необычные явления представляют собой определенные классы планетофизических процессов (Дмитриев, 1998; Дмитриев и др., 2005). Обнаруживается также и то, что определенные виды необычных явлений могут стимулироваться техногенной и психологической **совокупной человеческой деятельностью**. Для США также обнаружены также и места (Среднезападные Штаты), где встречаемость необычных явлений характеризуется **сильными отклонениями от распределения населения** (Вале, 1995; Ажажа, 2004). Именно это отклонение свидетельствует о геолого-геофизической специализации некоторых участков планеты. Здесь уместно подчеркнуть, что необычные явления не только имеют не равновероятное распределение во времени и пространстве, но и в ряде случаев корректируются космическими причинами (Белимов, 1997; Гуд Тимоти, 2002; Колчин, 1993). Эта неравномерная плотность встречаемости обуславливает высокую вероятность регистрации феноменов малым числом наблюдателей в местах сгущения необычных явлений. Тогда, чем больше число наблюдателей, тем выше число сообщений о событиях в этих местах. Но следует также иметь в виду, что с увеличением числа наблюдателей растет и число ошибочных показателей. Приняв, что ошибочные показания могут составить 10%, получим, что 1 млн. наблюдений даст 100 тыс. ошибочных показаний, что само по себе является значительной диагностической трудностью.

Далее, если рассматривать человеческую популяцию в качестве сети регистрирующих приборов, то надо учесть следующие особенности наблюдателей.

1. Имеются наблюдатели, которые не воспринимают правильно даже нормальные явления. Они составляют значительную совокупность отклонившихся от необходимых регистрационных способностей (коллектив «невротиков», или «неподготовленных наблюдателей»). Эти «приборы» будут поставлять зашумленную, неправильную информацию.
2. Возможны особо «тонкие приборы», которые регистрируют явления за порогом чувствительности массового наблюдателя. Такие наблюдатели образуют

совокупность «особо чувствительны приборов» – коллектив «сенситивов», которые, как правило, поставляют детальные, но все же неправдоподобные описания.

Исходя из этих особенностей (1–2) получения исходных данных, может оказаться, что для академического рассмотрения поступит информация о необычных явлениях с различной глубиной чувствительности наблюдателей с точностью описаний наблюдаемых явлений. И совокупная информация по существу в большинстве своем (если нет приборных регистраций и «вещдоков») может отражать лишь степень освещения событий за порогом нормального внимания и восприятия массового наблюдателя.

Здесь и возникает вопрос о необходимости массового осуществления инструментальных наблюдений, возможных в профиле чисто научных исследований (геофизические, медико-биологические, астрономические и др. приборы). И, несмотря на крайнюю социальную незаинтересованность, эта проблема подлежит скорейшему решению, поскольку посредством объективного исследования необычных феноменов можно произвести не только приращение знания о феноменах среды, но, что не менее важно, осуществить эффективный процесс концептуального **переоснащения** человеческой популяции. Однако поиск ключевой переменной для прогноза необычных явлений лежит в области **мирового картирования** необычных явлений всей совокупностью единиц человеческой популяции. Из имеющейся на сегодня правдоподобной информации важно отметить, что:

- а) выявлена значительная корреляция наблюдений необычных явлений с населенностью;
- б) существуют необычные события, не связанные с населенностью, которые локализируются в некоторых районах планеты;
- в) выявлена временная периодизация «сгущений высыпания» необычных явлений и связь с циклами активности Солнца.

По мере накопления фактологического материала, возникает вопрос о создании средств, которые приближают исследователей к пониманию явлений необычного характера. При этом следует иметь в виду, что факт самого зарождения и развития **средств понимания** происходит в динамической информационной среде. Семантические предположения ложатся в основу концепции исследуемого явления и его механизма. Так, например, если наблюдатель видит светящийся квадрат и называет его «летающей тарелкой», то через **этот термин** в формирующее сознание явления тут же вводятся предположения о возможном значении и природе явления. Особенно показателен случай семантического срезания проблемы, связанный с феноменом 1908 года в районе Подкаменной Тунгуски. Примененный термин «Тунгусский метеорит» на сто лет определил научный интерес и

исследовательские процедуры (100 лет..., 2008). Этот термин возник в полном соответствии с господствующей парадигмой о следующем разнообразии космических объектов, достигающих пределов Земли и ее поверхности: метеоры, метеориты, болиды, космическая пыль, кометы. Именно не включение в космическое «население» таких возможных образований как: плазменные сгустки, газовые замагниченные зарядовые тела, магнитные сгущения и др. привело к концепции «метеорита». И только раскрепощение от господствующей парадигмы позволило по-новому прогнозировать громадный информационный материал по феномену, в котором взрыв и вывал леса явился всего лишь эпизодом в процессе вторжения в пределы Земли по существу **нового** космического объекта с далеко не простыми вещественными и электромагнитными характеристиками и траекторной конфигурацией.

Далее, если кто-нибудь в необычных явлениях вполне естественно усматривает нечто не физическое, «не от мира сего», то средства исследования для такого подтверждения предположения берутся вне узаконенного физического и дискретного базиса. Разнообразие и количество информационных источников резко растет и по другим направлениям: мифология и эзотерические архивы данных, в религиозные доктрины и сведениях «потустороннего характера». Следует отметить, что уже наступившие перемены в состоянии Солнечной системы, и Земли в частности (Арманд и др., 1999), все более интенсивно поддерживают необходимость и важность учета и «ненанучной» информации.

4.Схема возможных интерпретаций.

Рационально можно рассматривать такие идеализированные схемы интерпретаций проявления необычных событий.

1. Гомогенная постановка. Если все эти события классифицировать только по изученным пространственно-временным признакам (но не наделенным научным вниманием), то можно провести общемировую съемку (картирование) редких событий по имеющимся координатам. Подчеркнем что принимаются во внимание лишь их отчетливые характеристики: скорость и место проявления, цвет, форма и др. При достаточно больших архивах данных и соответствующем анализе обнаружится, что наблюдаемые события можно подразделить на «законные» и «незаконные». В этом случае необычность событий будет содержаться только в наличии (для обычных явлений) или отсутствии (для необычных явлений) распознавательских и прогностических схем. Следовательно, геологические события типа «извержение вулкана» по отношению к «дождю из камней» за тысячи километров от извержения есть всего лишь частотная картина. Тысячи извержений являются обычным фактом по отношению всего лишь к десяткам необычных сведений о наблюдении «паде-

нии камней с неба». Если события вулканизма по существу ординарны в своих частотах встречаемости, то необычного ничего не должно быть и в «дожде камней», а есть только отсутствие природной схемы и работы прогноза. Но такая «гомогенизация» обычных и необычных явлений может оказаться весьма приемлемой и правдивой для целого ряда **вполне закономерных**, но скоротечных и редких явлений. Все еще с трудом принимаются, а больше отрицаются информоемкие фундаментальные научные модели этой гомогенизации (Дмитриев, Дятлов, Гвоздарев, 2005, с.409):

«Непредвзятое изучение необычных явлений и объектов в природной среде привело нас к выводу о том, что развитие нового по существу и фундаментальности мировоззрения неизбежно. И эта неизбежность своим возникновением обязана не только познавательной зрелости современной науки, но и неисчерпаемому обновлению необычных явлений. Сводимые к вопросам макроскопической физики многочисленные проявления видимых и невидимых локальных пространственных образований убеждают исследователей в реальности их существования. Учет этих образований в построении новой картины Мира устраняет из общего мировоззрения модель, по которой состоит из «атомов и пустоты»».

2. Гетерогенная трактовка необычных явлений настаивает на том, что существует широкий спектр причин и многомерных уровней для возникновения различных явлений с высоким разнообразием их существования. Эта перспектива объяснений опирается на солидную устную «трактовку необычного», но всего лишь для того, чтобы выловить и отбросить явления как «нереальные». Гетерогенная перспектива по существу производит сепарацию явлений на обычные и необычные, как реальные и нереальные. Эта фрагментация явлений вполне приемлема для социальной модели управления и для научной оценки в сферах существующих парадигм познания и инженерных успехов фундаменталистов от физики. Борьба с «лженаукой (Кругляков, Рубаков, 1999)». Это удачная находка «гетерогенщиков», дробящих целостность комплексности природных явлений на «фундаментальные уравнения», которые, по их утверждениям, характеризуются «полнотой и истинностью. Это – «научный» отклик на социальный заказ».

Но как гетерогенные, так и гомогенные объяснения ограничены и являются продуктом существующей концепции построения научного знания. Впрочем, это замечание не запрещает группирование единичных событий и для отдельных групп может существовать один устойчиво функционирующий механизм. Может быть и так, что какая-то доля от феноменов характеризуется единичным механизмом, который срабатывает только однажды, без какого-либо повторения.

Феноменологическое богатство окружающей нас планетной и космической среды весьма велико. Поэтому и гомогенная и гетерогенная трактовка природы необычных явлений оказываются обе приемлемыми, но далеко не исчерпывающими. Поэтому, стано-

ваясь на позицию концептуального обновления передовых разделов популяционного знания, следует предусмотреть и трактовки, не вытекающие из предыдущих прецедентов опыта и теории. Например, приняв в качестве допустимой концепцию о неединственности высокоразвитых форм жизни в Солнечной системе, следует допустить и соответствующие формы их активности в системе. Эта активность, по предположению, обеспечивает темп эволюционной деятельности «иноцивилизации» и может проявиться в наших пространственно-временных координатах как «необычности». В этом отношении с помощью новой концепции решается и вопрос «связи с другими цивилизациями». Эта связь, возможно, всегда существовала как постоянный канал **перетока информации впечатлений и энергии** по всей совокупности необычных явлений. Но существующие антропоцентрические концепции навязывают «свой способ общения» иноцивилизации и не включает в рассмотрение того, что возможный диалог уже ведется на уровне далеко за обычной концептуальной оснащённостью человека. Да, трудно строить логические возражения против того, что в сотнях тысяч зарегистрированных необычных событий окружающей среды не зашифрована «беседа» человека с космически развитой культурой жизненных форм. Концепция людей провести этот диалог **техническими** средствами может оказаться наиболее **неудачной** из возможных концепций, поскольку она вынуждает иноцивилизацию перейти на технический язык, в котором, как полагает наша популяция, Земля весьма сильна.

В целом проблема построения схем, приемлемых интерпретаций необычных явлений оказывается наименее разработанной и социально «взрывной». Патетическое отождествление с системой существующих концепций приводит к временному психологическому уюту. Но вопрос резко обостряется по мере возрастания функционирования канала необычностей (Абрамов, 1998; Авакян, Коваленко, 1992; Ажажа, 2004; Вале, 1995; Дмитриев, 1998; Дмитриев и др., 2005; Зигель, 1993; Лунев, 1992; Непериодические..., 1990; Черняев, 1999).

6. Концепция геопсихизма.

На базе высказанных фактов, предположений и требований, необходимых для формирования информационных условий возникновения новых концепций, рассмотрим содержание одной из необычных концепций, предложенную в фундаментальной работе (Persinger, Lafreniere, 1977). Прежде чем охарактеризовать геопсихическую концепцию, изложенную в указанной работе, отметим, что вопросы обобщенных человеческих воздействий (технических и психических) на геофизические поля и, с другой стороны, воздействия электромагнитных полей на популяцию, заинтересовало науку совсем недавно. Длительные слабые воздействия естественных и искусственных электромагнитных полей

на живые формы лишь недавно стали предметом пристального исследования (Бингл, Савин, 2003; Гвоздарев, 2004). Причины этого длительного невнимания лежат все в той же устоявшейся концептуальной системе, которая заинтересовывает науку по вопросам сильных воздействий (легко регистрируемых), вещественных преобразований и многочисленных поверхлежащих фактов. Но в последнее время электропроцессы и поведенческая структура отдельного человека и популяции в целом обрели новые трактовки, например (Сестров, 1975, с.27):

«...между электрическими явлениями в деятельности нервной системы и особенностями источника раздражения существует определенные однозначные соответствия».

Принимая во внимание более широкую и обновленную обстановку для возникновения концептуальных систем, предположение об электромагнитном диалоге между популяционными напряжениями и геофизическими полями не кажется запретным (Хэссет, 1981; Шингарев, 1974; Шипунов, 1980). Действительно, если учесть далеко не нулевую вероятность того, что некоторое критическое число биологических единиц (например, видов) может формировать своеобразную «матрицу восприятия» также и электромагнитных воздействий, то эта совокупность биологических видов обретает способность энергетического возбуждения за счет интенсивных вариаций геофизических полей (Дмитриев, 1998; Шипунов, 1980; Persinger, Lafreniere, 1977). Неприемлемость данного предположения, прежде всего, проистекает из чужеродности этой концепции к утвердившимся и господствующим в наших умах представлениям.

Но принятие к рассмотрению этой концепции оказывается плодотворным не только в плане введения необычных явлений в научный контекст, но и в плане объяснения далеко не редких фактов, например, солнечной дистанционной активизации биосферных процессов (Дмитриев, Дятлов, Гвоздарев, 2005; The Encyclopedia..., 1980; Mac-Donald, 1970; Persinger, Lafreniere, 1977; Delgado, 1985; Windelious, Tucker, 1988). Обсуждение концепции геопсихизма ведется на гипотетическом уровне, хотя посылки и доводы к ее возникновению мобилизуются в широком диапазоне конкретных представлений о гео- и гелиомагнетизме и общепланетарных электропотенциалов (Авакян, 1999; Абрамов, 1998 а,б); Воробьев, 1975; Валле, 1995; Дмитриев, 1988; Mac-Donald, 1971; Persinger, 1990).

Имеются хорошие инженерные модели возникновения электромагнитных «матриц восприятия» для множества специально сконструированных однородных проводов в переменном магнитном поле. Несмотря на характерный индивидуальный вклад каждого проводника в порождение поля, сумма этих вкладов и составит общую матрицу с присущими ей излучательными свойствами.

В рамках разрабатываемой модели геопсихизма предполагается, что если вместо проводов взять к рассмотрению большое число людей (миллионы) с их индивидуальными электромагнитными матрицами, сосредоточенных с городской плотностью на небольшом участке, то, с учетом техногенных излучений, обнаружится некий техно-био-геофизический «прибор», в котором естественные, техногенные и биологические излучения гибридируются и непрерывно взаимодействуют, дорастая до психонаркотических воздействий (Гвоздарев, 2004; Казначеев и др., 2007; Летников, 1998). Итак, приложенное к городским скоплениям людей (к мозгам и сердцам каждого индивидуума) изменяющееся геомагнитное поле может вызвать эффект взаимодействия, что и представляет собой процесс геопсихизма. Характерно, что возбуждающее геопсихизм геофизическое поле является долговременным и природным, большого масштаба. Это накладывает определенные требования на вид геофизического поля, его интенсивности и вариации, т.е. поле должно влиять на все человеческие единицы, пребывающие в соответствующих состояниях на момент магнитного воздействия данной напряженности. Такое совпадение интенсивности поля и числа резонансно настроенных приемников (людей), например с интересом воспринимающих телепередачу, будет, во-первых, не частым, во-вторых, наверное, неосознаваемым и вторичным (наведенным) по своей природе. То есть психическая энергия миллионов футбольных болельщиков становится «заметной» для геомагнитного поля.

Интенсивность геопсихического эффекта будет функцией от взаимодействия возбуждающих полей и характеристикой биоэлектрических единиц «настроенных одинаково» (эффект самоподстройки психических и геомагнитных вариаций). Следовательно, эффект геопсихизма будет зависеть не столько от интеллектуального уровня горожан (который, по существу, может быть весьма разнородным), а от однообразия эмоциональных синхронизированных импульсов и массовой настроенности. Надо отметить, что чем выше однородность настройки жителей, тем более однообразным становится индивидуальный эффект – вплоть до возникновения геопсихизма как первичного эффекта, т.е. когда напряженность обобщенного потенциала людей дорастает до более низкочастотных значений вариаций геофизических полей. В этих предположениях следует ожидать, что миллионы мыслящих об одном и том же людей произведут кратковременный геопсихический импульс, если синхронно этому развивается энергетическое возбуждение геофизических полей. Естественно, что за длительный период развития жизненных процессов на Земле (миллиарды лет) эти био-георезонансные события проявлялись не однажды, а многократно (особенно в период катастроф). Эта взаимосвязь техногенной биологической и геолого-геофизической среды хорошо охарактеризована в работе (Летников, 1998, с.73):

«Развитие техногенной цивилизации и лавинное нарастание мощности электромагнитных систем передачи информации привело к тому, что между земной поверхностью и ионосферой сформировалось единое электромагнитное поле (резонатор), напряженность которого все время растет. Вблизи мощных излучающих электромагнитную энергию устройств параметры поля увеличиваются еще на несколько порядков. В пределах мегаполисов и технополисов происходит возрастающая мощности закачка энергии в Землю, которая может транслироваться и трансформироваться в различные виды низкочастотных колебаний. В итоге формируются системы, в которых синергетические кооперативные связи на уровне полей различной природы очевидны, но до сих пор не изучаются».

Обстановка двадцатого века стимулировала сферу обобщенных стимулов образования и гарантировала разнообразие индивидуального мышления. Согласно концепции, она (обстановка) как будто не способствует когерентности мышления и, следовательно, возникновению геопсихического эффекта. В то же время человеческая история изобилует примерами такого «когерентного или синергетического» мышления на основании периодического создания глобальных угроз, вызывающих острую глобальную тревогу населения. Например, религиозная основа мышления средневековья повергла всю Западную Европу в однородность эмоциональных переживаний («борьба против ведьм»). Эта однородность психо-эмоциональной настройки популяции на большом участке планеты породила не только эпидемии «наблюдений» ведьм, духов и иных созданий «нижнего мира», но и не менее одиозное средство приведения масс в «социально-полезную норму» для Католической церкви – инквизицию.

В настоящее время, расширяя границы модели авторов освещаемой концепции, максимальный шанс испытать данную гипотезу имеют все государственные сообщества во главе с Соединенными Штатами. Государство США (да и его ближайшие сателлиты) давно вступили в век эмоциональной и жестокой интеллектуальной специализации, вулканируя идеи и смыслы Мировой демократии. Отмечается, что восприятие населением целого континента одной и той же радио- или телепередачи в одно и то же время является лучшим «гомогенизатором функционирования психологической машины человеческой популяции». Беспрецедентный уровень однородности настройки населения приводит к работе психоэнергетических факторов такого порядка:

а) стимуляция возникновения однородности интеллектуальной активности масс увеличивает вероятность проявлений геопсихизма (единицы же, не попавшие в социально нужную полосу состояния сознания, могут сильно угнетаться массовым геопсихическим «единодушием»);

б) любые электромагнитные поля окружающей среды геофизического или гелиофизического профиля могут совпасть с частотами психологического настрой масс.

Могут и уже возникают быстропотекающие (психические и психиатрические реакции) «до взрывных» геопсихические процессы массовой тревоги путем мощной, синхронизированной человеком магнитной волны внутри узкой частотной полосы мозга, например, 10 герц. Этот взрыв может подготавливаться самой обстановкой мира, когда угроза войны, голода, экологических потрясений может вызвать энергию шока самозащиты у массы людей. Кроме того, в современном сообществе высокоразвитых стран поощряются **массовые** «медитации» без соблюдения тонких правил безопасности резкого повышения интеграции психического потенциала у людей.

Как ни реальна вероятность «мыслительного геопсихизма», отметим, что вероятность «эмоционального геопсихизма» гораздо выше. Причем, основой «эмоциональной гомогенизации» человеческих масс является специально сгенерированный страх. Характерно, что именно в эту область эмоций направлены массовые усилия «передовой культуры» и «нового гуманизма». Число реальных и выдуманных поводов к человеческому страху увеличивается, причем это «страхопроизводство» тщательно изучается и социально поощряется.

Центром стягивания (точкой сборки) психозергий на основе страха, является то, что «неважно, чего бояться» (войны, холода, циклона, землетрясений, опоздания, волосатого чудовища, банкротства и т.п.). Общее количество особенно эмоциональной энергии людей, мобилизованной страхами, чудовищно велико, это известно экспериментаторам психопсихиатрического профиля. Шокковые количества страха могут вызываться единичным и сильным воздействием эмоционального свойства, например, боязнь войны, боязнь чтимого религией «конца света». Именно эти всплески одновременного ощущения могут дать интенсивный геопсихический эффект и вызвать даже геомагнитную бурю, например, «телевизионное лечение» больших масс людей.

Некоторые поборники человеческого благоденствия, чтобы изъять человечество из рабства войны, талантливо ставят фильмы ужасов, вводя в психею популяции «здоровый процесс конкуренции страхов». Не надо забывать, что именно эмоциональные реакции являются наиболее сильными и мощными психобиологическими проявлениями человечества. Именно этот факт следует учитывать при исследовании новых показаний людей, наблюдающих то или иное явление необычного свойства.

Далее вернемся снова к электромагнитным результатам технического прогресса. Не секрет, что промышленное загрязнение электромагнитной среды урбанистических зон превзошло все ожидания. Этот уровень превосходит мощность магнитных возмущений даже с высокими буревыми индексами. Именно поэтому, начиная с 1945 года, идет ухудшение корреляций заболеваемости с режимом геомагнитных бурь для всех урбанистиче-

ских зон. Уже к середине 60-х годов прошлого века в мегаполисах корреляция исчезла и сохранилась только в отдаленных от крупных городов районах. Этот факт говорит о том, что человеческая популяция получила новое направление воздействия на психосферу Земли со стороны промышленного и бытового электромагнетизма. Именно поэтому концепция природного геопсихизма является далеко не полной, а возможный психологический срыв может иметь отнюдь не геомагнитное происхождение (с которым миллионами лет взаимодействуют жизненные формы), но все более нарастающее техногенное влияние. Интенсификация общесистемного электромагнетизма (в Солнечной системе), непрекращающаяся активность Солнца и Космоса сильно влияет на людей вне урбанических зон.

Но ведь человечество и биосфера в целом развились в непрерывном диалоге с природным режимом геомагнитных бурь, а «производственный геомагнетизм» является новообразованием, который выводит популяцию в сторону от сцепленности с электромагнитной обстановкой Солнечной системы (Гумилев, 1993; Казначеев и др., 2007; Шипунов, 1980). В совокупном представлении и в классе новых концепций сам по себе **«технический прогресс» является необычным явлением** номер один, как по разнообразию качества, так и по общепланетарной мощности. Кроме того, накопленная человечеством психологическая некачественность эмоционального и ментального состава, может подпасть под целевое руководство и коррекцию процессов техногенеза в сторону биогенных частот электромагнитного излучения. В таком случае с большой вероятностью может сработать модель Персингера и Лафреньера с той лишь разницей, что **«модель следует переименовывать с «геопсихической» на «технопсихическую»**. Именно техногенный электромагнетизм задает обстановку, когда промышленный и бытовой электромагнитный шум доносится до сознания каждого в каждую единицу времени сна и бодрствования, а ведь «каждая мысль, каждое действие или ощущение начинается с какого-то электрохимического процесса в мозгу». (Гвоздарев, 2004; Казначеев и др., 2007; Петрушенко, 1971; Хэссет, 1981; Шингарев, 1974).

Суммирующее высказывание

Итак, мы в краткой форме изложили причины, которые вынуждают целый ряд исследователей необычных явлений искать опору для своей работы в создании социально благожелательной атмосферы для рождения новой концептуальной обобщающей схемы в построении Новой Картины Мира. В привычную для наших исследований последовательность событий с нарастающей частотой и интенсивностью вторгается новая феноменология. Вырос круг взаимодействия с неизвестными событиями и для того, чтобы этот круг свести до исследовательского полигона, ученые идут путем учитывания необычной ре-

альности не только новыми способами и средствами наблюдения, но и новыми концептуальными построениями (Гумилев, 1997; Дмитриев и др., 2005; Казначеев и др., 2005). Эти концептуальные возможности не только расширяют возможность научного охвата обычных и новых явлений природы, но и потребует новых преобразований в области общей интеллектуальной навигации человечества.

Литература

1. Абрамов В.А. а) География и природа приморских смерчей и необычных океанических явлений (катастрофические события в Пацифике) // Тихий океан. География Пацифики. Техносфера и социосфера. Владивосток: «Уссури», 1998., № 3. – С.68-85.
2. Абрамов В.А. б) Смерчи над Владивостоком // Вестник ДВО РАН. 1998, № 2. – С.3-22.
3. Авакян С.В. Аномальные аэрокосмические явления – геофизический аспект // Геомагнетизм и аэрономия. – 1999. Том 39, № 1. – С.3-9.
4. Авакян С.В., Коваленко В.В. Неопознанные явления – «пробелки» плазмы? // Природа, № 6. – 1992. – С.72-77.
5. Ажажа В.Г. Под колпаком Иного разума. М.: Рипол классик, 2004.
6. Ажажа В.Г., Забельшинский В.И. НЛО. Реальность и воздействие . – М.: РИПОЛ классик, 2008. – 416 с. НЛО
7. Арманд А.Д., Люри Д.И., Жерихин В.В. и др. Анатомия кризисов. М.: Наука, 1999. – 238.
8. Белимов Г.С. На связи – иные миры. Волгоград, 1997.
9. Бинги В.Н., Савин А.В. Физические проблемы действия слабых магнитных полей на биологические системы // УФН. Т. 173, № 3. – 2—3. – С.266-300.
10. Бриллюэн Л. Наука и теория информации. М., 1960.
11. Валле Ж. Параллельный мир. (Великие загадки Земли). – М.: Прогресс, Пангея. – 1995. – 272 с.
12. Вале Ж., Казанцев А.. Что летает над Землей? / «Техника молодежи», 1961, № 823. – С. 23.
13. Воробьев А.А. Физические условия залегания и свойства глубинного вещества. – Томск: Изд. ТГУ. – 1975. – 296 с.
14. Гвоздарев А.Ю. Введение в электромагнитную экологию. Горно-Алтайск, ГАГУ-принт, 2004. – 118 с.
15. Гиндилис Л.М., Менькова Д.А., Петровская И.Г. Наблюдения аномальных атмосферных явлений в СССР, Статистический анализ. (Пр-т № 437) ИКИ АН СССР, М., 1979, 74 с.
16. Глобальные изменения природной среды и климата. – М., 1996. – 434 с.
17. Гуд Тимоти. Угроза вторжения. М.: Эксмо-пресс, 2002. –
18. Гумилев А.Н. Этносфера, история людей и история природы. М.:Экономрос, 1993. – 544 с.
19. Дмитриев А.Н. Природные самосветящиеся образования. – Новосибирск: Изд. Института математики. 1998. – 242 с.
20. Дмитриев А.Н., Дятлов В.Л., Гвоздарев А.Ю. Необычные явления в природе и неоднородный физический вакуум. – Новосибирск, Горно-Алтайск, Бийск: БГПУ им.В.М. Шукшина, 2005. – 550 с..
21. Дмитриев М. Тайна Петрозаводского феномена / Техника и наука, 1979, № 8, с.34.
22. Зигель Ф.Ю. Летящие тарелки – миф или реальность? / Байкал, 1967, 3 4, с.104.

23. Зигель Ф.Ю. Наблюдения НЛО в СССР. Вып.2, рукопись МАИ, М., 1975; вып.3, рукопись МАИ, М., 1978; вып.4, рукопись МАИ, М., 1979; вып.5, рукопись МАИ, М., 1980.
24. Зигель Ф.Ю. Феномен НЛО. Наблюдения и исследования. – М.: «Инвенция», 1993. – 200 с.
25. Иванов К.Г. Медленная ударная волна на фланге межпланетного потока от далекой мощной вспышки/ ДАН, том XIX, 1979, №1, с. 152-154.
26. Казначеев В.П., Дмитриев А.Н., Мингазов И.Ф. Цивилизация в условиях роста энергоемкости природных процессов Земли. Новосибирск, 2007. – 419 с.
27. Киль Д. НЛО: операция «Троянский конь». СПб, 1998
28. Климатология / Сост. Дроздов О.А., Васильев В.А., Кобышева Н.В., Раевский А.Н., Смелякова Л.К., Школьный Е.П., – Л.: Гидрометеиздат, 1980. – 567 с.
29. Кругляков Э.П., Рубаков В.А. О серии книг «Проблемы неоднородного физического вакуума» // УФН, Библиография. – Том 169, № 5. – 1999.
30. Летников Ф.А. Синергетика среды обитания человека. Земля и Вселенная. – 1998, №5. – С.17-25.
31. Лунев В.И. Светящиеся шары в Сибири и на Дальнем Востоке: феноменология, эксперимент, гипотезы // Изв. вузов. Физика. – 1992, №3. – С.65-86.
32. Меморандум-дополнение к Рекомендации Генерального секретаря ООН К. Вальдхайма об образовании Комитета ООН по НЛО (к п.128 повестки дня специального политического комитета ООН 33 сессии Генеральной Ассамблеи). – Межконтинентальная сеть по исследованию и анализу НЛО (ИКУФОН), США, 1978.
33. Мензел Д.О. О летающих тарелках. – М.: ИЛ, 1962. – 257 с.
34. Непериодические быстропротекающие явления в окружающей среде. Вторая междисциплинарная научно-техн. Школа-семинар, 19-30 апреля 1990, Томск. – 1990. – 352 с.
35. Плазмообразование в энергоактивных зонах / Дмитриев А.Н., Похолков Ю.П., Протасевич Е.Т., Скавинский В.П. – Новосибирск: ОИГГиМ СО РАН, 1992. – 212 с.
36. Платов Ю.В. Аномальные явления: сенсация и действительность. // Земля и Вселенная, 1986, №4. – С.73-80.
37. Платов Ю.В., Соколов Б.А. Изучение неопознанных летающих объектов в СССР // Вестник РАН, – 2000. Том 70, №6. – С.507-515.
38. The Encyclopedia of UFO's. Ed. By Ronald D. Story. New-York, 1980, p.229-230.
39. Паркер Е.Н. Загадки солнечной активности. В кн.: Проблемы солнечной активности. М., Мир, 1979, с.8-23.
40. Петрушенко Л.А. Самодвижение материи в свете кибернетики. – М., Наука, 1971, с.97.
41. Санаров В.И. НЛО и энлонавты в сфере фольклористики. – Советская этнография. 1979, №2, с. 145.
42. Сестров М.И. Информационные процессы в биологических системах. – Л., Наука, 1975, с.27-40.
43. Стихийные бедствия: изучения и методы борьбы. М., Прогресс, 1978, с.369-437.
44. Хокинс Дж. Кроме Стоухенджа. – М., Мир, 1977.
45. Хэссет Дж. Введение в психофизиологию. – М., Мир, 1981, с. 20.
46. Чарльз Форт. 1001 забытое чудо: Книга проклятых. СПб: Изд. «Лань», 1997. – 384 с.
47. Черняев А.Ф. Камни падают в небо или вещественный эфир и антигравитация / Серия «Открытия XXI-го века». – М.: «Белые альвы», 1999. – 224 с.
48. Шахнович М.И. Мистика перед судом науки. – М., Знание, 1970.
49. Шингаров Г.Х. Теория отражения и условный рефлекс. М., Наука, 1974, 1974, с. 23.
50. Шипунов Ф.Я. Организованность биосферы. – М., Наука, 1980, 290 с.
51. Шульгин В.Г. Вторая почти невидимая Вселенная. Часть 3.. Галактика и бесконечная Вселенная. – СПб. 1994 (рукопись). – 72 с.

52. Шуринов Б.А. Парадокс XX-го века. – М.: Междунар. отношения, 1990. – 320 с.
53. 100 лет Тунгусской проблеме. Новые подходы. М.:БИНОМ. Лаборатория знаний. 2008. – 447 с.
54. Condon E.U. Scientific study of unidentified flying objects. (Рец. В «Новые книги за рубежом», 1972, А №1, 47).
55. Delgado J.M.R. Biological effect of extremely Low frequency, Electromagnetic fields. Biomagnetism Application and Theory/ – Pergamon-Press. 1985. P.443-455.
56. Mac-Donald J.E. Meteorological Factors in Unidentified Radar Returns. 14-th Radar Meteorol. Conf., Tucson Arizona. Preprint papers. 456, 1970 (Р.Ж. «Радиотехника», 1971, реф.7, ч.12).
57. Persinger M.A. The tectonic Strain Theory as an Explanation for UFO Phenomena: “A Non-Technical Review of the Research, 1970-1990” // Journal of UFO Studies, 2(1990). Pp.105-137.
58. Persinger M.A., Lafreniere G.F. Space-Time Transients and Unusual Events. Chicago/ Nelson-Hall, 1977. 260 p.
59. Windelius G., Tucker P. Solar motion ...Seismicity...Climate.../ October Drothmingholm, Sweden, 1988, 41 p.